

Выдающийся представитель когорты ученых и руководителей Г. А. Цырков

К 100-летию со дня рождения

Н. П. ВОЛОШИН

Во всех областях науки и техники есть свои безусловные лидеры, имена которых не нуждаются в пояснениях. Среди российских атомщиков к когорте таких людей, вне всякого сомнения, принадлежит Георгий Александрович Цырков.

В. Н. Михайлов

Георгий Александрович Цырков родился 21 ноября 1921 г. в Москве в семье служащих. Отец, Александр Георгиевич, работал в «Промстройбанке», мать, Варвара Сергеевна, – старшей медсестрой в Доме младенца. С юных лет Георгий (в семье его звали Юрой) увлекался техникой, был радиолюбителем. В 1939 г. после окончания московской средней школы № 456 поступил на факультет боеприпасов МВТУ. Еще в школе Юра становится комсомольским вожаком и на втором курсе его избирают членом бюро ВЛКСМ, а затем и секретарем комсомольской организации.

Война застала Георгия Александровича студентом третьего курса. Попытка направиться добровольцем на фронт не удалась – подвело зрение. Но по комсомольскому направлению он стал работать мастером-наладчиком станков-автоматов на заводе № 530 Наркомата боеприпасов и продолжал учебу в МВТУ (июль–сентябрь 1941 г.). С ноября 1941 по август 1942 г. работал токарем завода № 74 Наркомата вооружений в Ижевске. Затем вернулся в Москву. 26 марта 1945 г. Георгий Александрович успешно защитил диплом инженера по исследованию свойств ВВ и был направлен на работу в... ЦК ВЛКСМ (!) инструктором отдела рабочей молодежи.

Через полтора года по личной настойчивой просьбе был переведен в НИИ сухопутных войск (Нахабино Московской обл.), где с декабря 1946 по август 1948 г. работал по специальности, приобретенной в вузе, старшим инженером, младшим научным сотрудником. С августа 1948 по апрель 1955 г. трудился на предприятии п/я 975 (ны-

не РФЯЦ-ВНИИЭФ, г. Саров Нижегородской обл.) младшим научным сотрудником, заместителем начальника лаборатории, ученым секретарем предприятия.

В момент организации нового ядерного центра на Урале в апреле 1955 г. был переведен в НИИ-1011 (ныне РФЯЦ-ВНИИТФ, г. Снежинск Челябинской обл.), работал заместителем научного руководителя, затем первым заместителем научного руководителя – главного конструктора предприятия до 1960 г. В марте 1960 г. Г. А. Цыркова назначают на должность главного инженера – заместителя начальника 5 Главного управления Министерства среднего машиностроения. Он вместе с семьей (супругой Валерией Григорьевной, дочерьми Натальей и Ольгой) переезжает в Москву.

В 1965 г. после перевода начальника 5 ГУ Николая Ивановича Павлова из Центрального аппарата МСМ на должность директора НИИАА (ныне ВНИИА им. Н. Л. Духова) Георгия Александровича назначают начальником 5 ГУ (развернутое название: Главное управление опытных конструкций).

Руководителем этого Главного управления, отвечающего за разработку, испытания, передачу в серию, авторский надзор за эксплуатацией в войсках ядерных зарядов и ядерных боеприпасов, Георгий Александрович проработал до октя-

На Удokane с Е. П. Славским. Читинская область, 1966 г.

бря 1996 г., т. е. более 30 лет. Затем вплоть до своей кончины он работал советником Департамента разработки и испытаний ядерных боеприпасов (так с 1999 г. стало именоваться бывшее 5 ГУ).

В течение всей своей напряженной и интересной жизни Георгий Александрович успешно сочетал большую организационную работу с научными исследованиями. В 1955 г. он защитил кандидатскую, а в 1962 г. – докторскую диссертации, занимался исследованиями свойств ВВ, магнитной кумуляцией; именно ему принадлежит авторство названия способа обжатия вещества магнитным полем – МАГО. Его увлекла идея Ефима Павловича Славского использовать ядерные взрывы в мирных целях, и он с большим энтузиазмом поддерживал предложения по такому использованию ядерной энергии. Он участвовал в первом и последнем ядерных испытаниях Советского Союза, а в период между этими годами – в многочисленных испытаниях боевых ядерных зарядов и при опытно-промышленных применениях ядерно-взрывных устройств мирного назначения.

Георгий Александрович непосредственно участвовал в подготовке и проведении совместного (СССР–США) эксперимента (СЭЖ) по контролю за мощностью подземных испытаний ядерного оружия в 1988 г., а также в мероприятиях на Невадском полигоне США и бывшем Семипалатинском испытательном полигоне, посвященных 10-летию СЭЖ (1998 г.).

Его вклад в создание ядерного щита Отечества высоко оценен государством: он был награжден четырьмя орденами Трудового Красного Знамени (1951, 1954, 1956, 1966 г.), двумя орденами Ленина (1961, 1976 г.), орденом Октябрьской Революции (1971 г.), восемью медалями СССР и РФ; дважды удостоен звания лауреата Государственной премии СССР (1951, 1953 г.) и звания лауреата Ленинской премии (1962 г.). В 1976 г. за выдающиеся заслуги в области создания специальной техники Указом Президиума Верховного Совета СССР он был удостоен звания Героя Социалистического Труда. В 1982 г. ему было присвоено звание Почетного гражданина города Снежинска.

Георгий Александрович умер 20 июня 2001 г. Похоронен на Троекуровском кладбище Москвы. На доме в Снежинске, где в 1955–1960 гг. он жил со своей семьей, установлена памятная доска.

Коллектив РФЯЦ-ВНИИТФ трепетно хранит память об этом руководителе и ученом. В 2011 г. КБ-1 организовало проведение конференции мо-

Г. А. Цырков, Г. П. Ломинский, С. А. Зеленцов. Снежинск, июнь 1980 г.

лодых специалистов в области газодинамики в связи с 90-летием со дня рождения Георгия Александровича. Сохраняя эту традицию, руководство и совет молодых специалистов этого конструкторского бюро подготовили памятную общеполитическую конференцию в честь 100-летия со дня рождения Г. А. Цыrkова, намеченную на конец ноября 2021 г. За прошедшее десятилетие сменилось два поколения молодых специалистов и новые сотрудники должны знать и помнить первооснователей уральского ядерного центра.

Из воспоминаний В. С. Губарева

Мне посчастливилось взять первое и единственное интервью у Георгия Александровича Цыrkова.

В канун гашения газового фонтана в Урта-Булаке (сентябрь 1966 г.) министр Средмаша Ефим Павлович Славский разрешил мне, тогда корреспонденту «Комсомольской правды», участвовать в этом эксперименте. «А сейчас я познакомлю тебя, – сказал он, – с нашим главным "издельщиком", присмотришься к нему – для журналиста это кладезь! Он все знает об оружии, но что-либо говорить о нем не будет...»

Через несколько минут я познакомился с Георгием Александровичем Цыrkовым, начальником самого «секретного» главка министерства. Так уж случилось, у нас сложились добрые отношения. Честно говоря, несколько раз я пытался завязать разговор об оружии, но Георгий Александрович всегда говорил «нет», и его можно было понять... Однако взять заветное интервью мне все-таки удалось. Для этого был хороший повод: приближался юбилей Юлия Борисовича

Харитона – и я этим воспользовался. Георгий Александрович не мог не сказать добрых слов о Харитоне, а потом беседа потекла шире.

– Ведь он был руководителем, теоретиком?

– Это неверно. Он был и очень талантливым экспериментатором, его интересовала каждая деталь, каждый экспериментальный метод. А потому его советы всегда были полезны. Он обладал энциклопедическими знаниями, а потому мог подсказать, посоветовать любому специалисту и в ядерной физике, и по взрывчатым веществам, и в металлургии. Это не для красного словца говорю, не потому, что у Харитона юбилей, – это действительно так!

– Но ведь сейчас много пишут и на Западе, и у нас, что первая атомная бомба – это не наше достижение. Мол, все данные добыли разведчики, в частности, подробную информацию о бомбе передал Фукс?

– Да, так говорят, но с этим я согласиться не могу... На своем личном опыте я убедился, что нам приходилось отрабатывать буквально каждую деталь «изделия», причем очень тщательно. Я, естественно, тогда не знал – как и большинство(!), – что были какие-то материалы от Фукса. Ничего мы не читали, а все делали заново – от «а» до «я». Наверное, Харитон и Щёлкин что-то читали... Если Фукс и передал, то голую схему, а ведь вся технология, детали – невероятно сложные. Методы проверок, физические параметры, технология сложнейших измерений и так далее – ничего этого Фукс не передал, да и не мог передать... Иное дело голая схема устройства первой американской атомной бомбы. Значение этих данных, конечно, важное,

особенно для того времени, но для того, чтобы сделать первый наш образец, потребовалось развить целый комплекс наук и производств, нужно было оснаститься аппаратурой и многим-многим другим... В то время мы, непосредственные исполнители, считали, что все делаем с самого начала. У нас не было никаких подсказок...

– Вы принимали участие практически во всех испытаниях?

– Я попытался как-то подсчитать, но так и не получилось... Сто или сто пятьдесят, а может быть, и триста – не помню... Надо как-нибудь обратиться к «режиму», там есть списки участников каждого эксперимента... Впрочем, зачем их загружать ненужной работой?

– Как вы попали на Урал, в Челябинск-70?

– Случайно. Приезжаю в Москву, захожу в министерство – тут у нас свои дела были по новой аппаратуре – и встречаю Щёлкина. Он говорит, хочу, мол, предложить тебе должность первого заместителя... «Согласен?» – «С вами хоть на край света!» – отвечаю. Так и состоялся мой перевод на Урал.

– А зачем потребовалось создание второго ядерного центра?

– Тогда первым секретарем ЦК партии был Никита Сергеевич Хрущев. И он посчитал, что нужен Арзамасу-16 дублер. Тогда в мире не все было гладко. 55-й год... Разгар «холодной войны», и была реальная опасность, что она перейдет в горячую...

В этом случае объект, то есть Арзамас-16, может быть уничтожен, и страна останется без создателей ядерного оружия, и некому будет его обслуживать, осуществлять авторский надзор и так далее. Мне кажется, именно потому и было принято решение о Челябинске-70.

И второе: любая монополия вредна, без соревнования можно завести ту или иную отрасль в тупик. И научные разработки, и конструкторские работы идут гораздо медленнее, чем при конкуренции или соревновании, как мы тогда говорили. И действительно, когда появилось два института, то началось творческое соревнование идей, способов решения тех или иных конструкций, методик... Я считаю, что появление центра на Урале принесло огромную пользу развитию ядерного оружейного комплекса.

– Георгий Александрович, чем современное ядерное оружие отличается от того, что вы создавали в начале пятидеся-

Последний визит Г. А. Цыrkова на Новоземельский полигон, 26–28 июня 1996 г.

– Разница огромная. Я не буду вдаваться в какие-то конструктивные особенности, могу только сказать, что вес и объем при равной мощности отличаются в десятки раз... Автоматика, обеспечивающая подрыв, неизменно изменилась... К примеру, блок автоматики, который выдавал сигналы на заряд, весил раньше триста килограммов, а теперь полтора... Вот такой прогресс! Ведь изменилась элементная база, и для развития этой области науки и техники сделали огромный вклад наши ученые и конструкторы. Не только в ядерной технике, но и в целой отрасли... Так что отличие очень большое. Я уж не говорю о широком выборе «изделий», выполняющих строго определенные функции...

– Логичен следующий вопрос: что такое, с вашей точки зрения, ядерное разоружение?

– Если по-настоящему его проводить, то нужно не только разобрать ядерную боеголовку, но и перевести плутоний и уран в такое состояние, чтобы их нельзя было использовать в оружии вновь. Тогда можно говорить о полном разоружении. Но я считаю, что на это мы пока пойти не можем, так как обстановка в мире сложная и опасная. Есть много так называемых «пороговых стран», которые могут выйти на испытания и создание ядерного оружия. Эти страны хорошо известны. Может быть, совершенные «изделия» они и не смогут сделать, но примитивные им вполне по силам... Я считаю, что ядерное оружие должно существовать. Впрочем, так оно и будет – система самозащиты государства требует сохранения определенного количества «изделий»...

– Мы всегда считали, что оно у нас предназначено только для ответного удара. Никто из нас и не помышлял, что мы «агрессоры», этикие «ядерные монстры», которые способны нанести удар первыми. Ничего подобного! И работали так, и многого лишили себя в жизни только потому, что понимали – оборона страны, нашей Родины зависит от нас. Такая политика нам была понятна...

Из воспоминаний В. Н. Михайлова

...В 1946 г. после окончания МВТУ Г. А. Цыркова направили в ЦК ВЛКСМ инструктором отдела рабочей молодежи. Но открывшаяся карьера политического работника Георгия Александровича не прельщала, и уже в декабре этого года по личной просьбе он был переведен на работу в научно-исследовательский инженерный институт Сухопутных войск. Здесь он занимался исследованиями по созданию новых боеприпасов, проводил эксперименты с

взрывчатыми веществами. Летом 1948 г. товарищ по работе – старший лейтенант В. Ф. Докучаев – каким-то образом передал информацию об активном молодом специалисте кадровикам Арзамаса-16. Так Георгий Цырков попал в поле зрения Павла Михайловича Зернова, занимавшегося комплектованием коллектива, которому предстояло решать невероятно сложную и ответственную проблему создания советского ядерного оружия. Сохранился невзрачный на вид и весьма любопытный документ на клочке бумаги, смахивающий на квитанцию об уплате за какую-то услугу («жировку») и имевший несколько неожиданное название «Путевка № 289а». От руки в этом ныне бесценном свидетельстве той эпохи было написано, что по распоряжению зам. начальника ПГУ Цырков Георгий Александрович 12 августа 1948 г. должен явиться в распоряжение тов. Зернова. Именно эта «путевка» решила его судьбу на всю оставшуюся жизнь, которая только начиналась, и, как потом оказалось, продолжалась еще более пятидесяти лет. На предприятие п/я 977, ставшее впоследствии всемирно известным ВНИИЭФ, или проще Арзамасом-16, Георгий Александрович прибыл с женой Валерией Григорьевной и дочерью Наташей. Уже там, в закрытом городе, в 1953 г. у них родилась младшая дочь Оля.

По прибытию «на объект», Г. А. Цырков был направлен в лабораторию Михаила Яковлевича Васильева, занимавшегося отработкой конструктивных элементов будущего заряда первой отечественной атомной бомбы. В частности, лаборатория выполняла работы со взрывчатыми веществами, составлением смесей, изготовлении

Г. Е. Золотухин, Г. А. Цырков и Н. П. Волошин на торжественном заседании РАН в честь 50-летия первого отечественного ядерного испытания, 30.08.1999 г.

ем из них деталей, проведением взрывных работ с регистрацией параметров взрыва. Инженер Цырков был включен в группу Александра Дмитриевича Захаренкова, которая занималась «отработкой конструкции первого заряда, причем в натуральных размерах, так называемой, натурной отработкой». Все исследования по работе элементов заряда в динамике, обеспечивающие сферичность ударной волны в обжимаемом ядре, проводились под руководством А. Д. Захаренкова и осуществлялись при непосредственном участии Г. А. Цыркова.

К июню 1949 г. стало очевидно, что отработка элементов конструкции первой советской атомной бомбы завершена полностью. Началась интенсивная работа по подготовке ее к испытанию на полигоне. Для координации всех работ, строгого контроля соблюдения графика подготовки и проведения испытаний П. М. Зерновым была создана оперативная группа, в состав которой вошел и Г. А. Цырков, отвечавший за «научные аспекты» организации подготовки самого «изделия» и измерительной аппаратуры. В это время он работал под непосредственным руководством И. В. Курчатова и Ю. Б. Харитона.

Утром 29 августа 1949 г. на полигоне под Семипалатинском прошло успешное испытание

Г. А. Цырков, В. Б. Барковский (легендарный «атомный» разведчик) и Н. П. Волошин в музее СВР

первой советской атомной бомбы. Двадцатикилотонный взрыв РДС-1, ставший результатом самоотверженного труда, часто на пределе физических сил, десятков тысяч ученых и инженеров, военных и рабочих самых разных специальностей, знаменовал не только конец американской монополии на самое разрушительное оружие, но и начало осознания того факта, что новое оружие является не средством ведения войны, а мощным механизмом ее предотвращения. Сегодня уже никто не сомневается, что в течение многих десятков лет человечество не переступило опасной черты, знаменующей начало третьей мировой войны, не только благодаря мудрости политиков, но и наличию в арсеналах крупнейших мировых держав ядерного оружия.

Возвратившись после испытания первой атомной бомбы с Семипалатинского полигона, Георгий Цырков начал работать в исследовательском отделе, который возглавляла известный ученый, специалист по взрывчатым веществам Екатерина Алексеевна Феокистова. Являясь ее заместителем, Георгий Александрович занимался исследованиями магнитной кумуляции, которую предложил А. Д. Сахаров. Более того, именно он осуществил первый эксперимент, в результате которого энергия взрывчатого вещества была преобразована непосредственно в электрическую: взрыв зажег неоновые лампочки.

В 1954 г. Г. А. Цырков становится научным секретарем ВНИИЭФ, а спустя всего год, в 1955 г., по приглашению К. И. Щёлкина он переезжает на работу во вновь созданный уральский ядерный центр – ВНИИТФ (Челябинск-70) и занимает должность заместителя научного руководителя и главного конструктора. Открытие второго ядерного центра должно было составить настоящую конкуренцию Арзамасу-16 и придать работе этих уникальных научно-конструкторских и производственных организаций элемент здоровой состязательности.

Работая в постоянном контакте с К. И. Щёлкиным, Е. И. Забабахиным, Д. Е. Васильевым и другими выдающимися учеными и специалистами в области ядерных вооружений, Г. А. Цырков не только непосредственно участвовал в создании и испытаниях новых образцов ядерного оружия, но и приобретал знания и опыт, необходимые для государственного подхода к проблемам создания ядерных зарядов.

В марте 1960 г. в соответствии с решением ЦК КПСС Георгий Александрович Цырков был назначен на должность главного инженера – заместителя начальника Главного управления

опытных конструкций Минсредмаша СССР (ныне это Департамент разработки и испытаний ядерных боеприпасов и военных энергетических установок Госкорпорации «Росатом»), а спустя пять лет, в феврале 1965 г., он был назначен начальником Главного управления. На этой высокой и чрезвычайно ответственной должности он проработал более тридцати лет, до 30 сентября 1996 г. И это несмотря на те многочисленные кадровые и политические перемены, которые происходили в стране и министерстве. При этом следует иметь в виду, что должность начальника этого департамента является ключевой при определении государственной политики в области ядерного вооружения страны!

Многолетняя работа Г. А. Цыркова на столь ответственном посту объясняется как его высочайшей профессиональной квалификацией, так и обширными знаниями и опытом, наконец, великолепной памятью, позволявшей свободно владеть огромным объемом информации, а также исключительными человеческими качествами, заслужившими уважение коллег и подчиненных, его обаянием и общительностью.

Особенно любил бывать Г. А. Цырков на ядерном полигоне на островах Новая Земля. Он много помогал полигону и морякам-североморцам в их нелегкой службе и быту. В редкие часы досуга любил Георгий Александрович выезжать в тундру, половить в озерах новоземельского красавца – северного гольца, полюбоваться истинными хозяевами Севера – белыми медведями, стадами оленей, птичьими базарами. А вечером, под аккомпанемент гитары, попеть душевные песни. Особенно любил он песню Юрия Визбора на слова Ярослава Смелякова: «Если я заболел, к врачам обращаться не стану. Обращусь я к друзьям...».

Георгий Александрович Цырков не дожил до своего 80-летия несколько месяцев. Память о нем осталась в том грозном оружии, которое на протяжении полувека обеспечивало и обеспечивает сегодня безопасность и независимость нашей России, в сердцах многих людей, которые имели счастье знать его и работать с ним.

Из воспоминаний Н. П. Волошина

28 июня 2001 г. – день поминаения Георгия Александровича Цыркова – прошло 9 дней со дня его кончины. Его супруга Валерия Григорьевна пригласила меня с женой в этот день на дачу близ Барвихи, где очень давно проживает семья Цырковых. Вдова встретила нас в саду возле дома. На поминальный обед пришли су-

пруги Черкасовы, Владимир Иванович и Светлана Михайловна, друзья Цырковых, приехал Иван Михайлович Каменских с супругой.

Конечно, родные и близкие еще не свыклись с горькой утратой, но как хорошо они держались! За те три с лишним часа, что мы провели за столом, столько было рассказано о Георгии Александровиче, его увлечениях, друзьях, отношении к работе, об отдыхе, что хватило бы на целую повесть.

Судьба распорядилась так, что Георгию Александровичу в учителя и коллеги достались выдающиеся люди ядерно-оружейного комплекса и атомной энергетики: И. В. Курчатова, Е. П. Славский, Ю. Б. Харитон, А. Д. Сахаров, Я. Б. Зельдович, Е. И. Забабахин, П. М. Зернов, Б. Г. Музруков, Д. Е. Васильев, Е. А. Негин, Н. И. Павлов, В. И. Алферов, А. Д. Захаренков и много других ученых, высококлассных специалистов и организаторов научных исследований и разработок в области ядерного оружия. Со многими из них Цырковы дружили семьями, вместе трудились, вместе отдыхали и отмечали праздничные даты. В их компании любили не только настольные игры – от шахмат до преферанса, но и спортивные игры, например, футбол. Валерия Григорьевна рассказывала, что команды были неполные, мужчины были полевыми игроками, а женщины стояли на воротах.

Георгий Александрович тяжело переживал уход старых друзей и коллег. Немногим удавалось дожить, как ему, почти до 80 лет, поэтому он многих проводил в последний путь. Это, конечно, влияло на его настроение и на его здоровье. Родные вспоминали о его трепетном и заботливом отношении к близким, о его стремлении поддержать их в трудные времена. Валерия Григорьевна привела такой пример. Много лет тому назад сгорела их дача. Выбежали в чем были. Вынесли очень немного. Жаль было всего приобретенного за многие годы жизни. Сгорели многие награды Георгия Александровича, документы и любимые книги. Стали жить в вагончике и строить новый дом. У всех нас в глазах стояли слезы, но Георгий Александрович запрещал расстраиваться и плакать. Он был рад, что все живы и здоровы, а остальное – дело наживное. Он уверял нас, что все будет хорошо. Его обеспокоенность здоровьем родных всегда была столь значимой, что, по словам Валерии Григорьевны, приходилось скрывать от него планируемую дату предстоящей кому-либо из родственников медицинской операции, чтобы позже сказать уже об успешном исходе.

Георгий Александрович любил принимать гостей и всегда просил, чтобы стол был богатым и красочно убраным. Частенько критиковал домашних словами: «Что это у вас на столе ничего и нет!». В повседневной жизни Георгий Александрович был общительным человеком и приятным собеседником. В молодости увлекался волейболом, футболом, лыжами; лыжными прогулками не пренебрегал и в зрелом возрасте. Любил стихи и песни, мог сочинить дружескую эпиграмму, умел пошутить и обладал чувством юмора. В экспедициях на полигоны и места проведения мирных взрывов всегда тесно общался со всеми участниками работ, невзирая на чины и звания, живо интересовался бытовым устройством и условиями труда сотрудников; близко к сердцу принимал случавшиеся неудачи и вместе со всеми искренне радовался успехам.

Внуки Андрей и Алексей очень любили деда, относились к нему с большим уважением. После кончины деда Алексей ни на шаг не отходил от бабушки, о чем она с большой благодарностью и любовью поделилась с нами. Говорили о большой щепетильности Георгия Александровича в материальных вопросах. При переводе из Арзамаса-16 в Челябинск-70 сотрудникам сохранялась высокая прежняя зарплата. Он не согласился с таким подходом в отношении Валерии Григорьевны и говорил, что зарплата его жены не может быть больше, чем у начальника отдела, где ей предстоит работать. Она не стала работать в институте, решила воспитывать дочерей.

Валерия Григорьевна рассказала нам очень интересную историю о последних днях жизни Георгия Александровича, когда он уже находился в ЦКБ. Будучи в полузабытьи, Георгий Александрович представлял себя в экспедиции на новоземельском полигоне и настойчиво уговаривал Валерию Григорьевну позвонить большому морскому начальнику и попросить оформить ей пропуск на Новую Землю, чтобы она приехала к нему. Из его шепота можно было понять, что говорил он о вице-адмирале Г. Е. Золотухине. При этом Георгий Александрович добавлял, что ей помогут и самой прилететь и вещи с собой привезти. По-видимому, настолько глубокими были чувства Георгия Александровича к Новой Земле, с которой связаны и радости и горести многих испытаний, что в последние дни своей жизни только об этом полигоне, только о важной государственной работе были все его мысли. И они чудесным образом объединялись с его семьей, с его близкими и родными людьми. Наверное, он давно мечтал о том, чтобы показать

своим эту частичку нашей большой страны, с которой было связано едва ли не полвека его жизни и работы.

Все за столом вспоминали, как галантно Георгий Александрович относился к женщинам, и каким он был привлекательным мужчиной. Это подтверждают и те, кто многие годы работал с Георгием Александровичем. А я к этому случаю вспомнил, как мы с целой делегацией от департамента ходили поздравлять генерал-полковника 12 ГУ Евгения Петровича Маслина. Все были в прекрасном настроении, компания чисто мужская, поэтому вскоре добрались до женского вопроса. И вот тут-то, Евгений Петрович стал рассказывать, что где бы они с Цырковым ни были вместе, все женщины прямо-таки бросались к Георгию Александровичу, минуя всех других. Вот это мужчина!

Валерия Григорьевна пригласила всех на второй этаж в комнату Георгия Александровича. Мы поднялись по крутой деревянной лестнице и вошли в комнату, где Георгий Александрович любил читать, смотреть телепередачи и размышлять. Все осталось как прежде. На стенах и полочках мы увидели фотографии и сувениры, подаренные ему к юбилейным датам. Все было развешено и расставлено со вкусом, ко всему можно было подойти, взять в руки и рассмотреть. Юбилейные подарки, в основном, были морской тематики: макеты кораблей, подводных лодок, эмблемы морских частей, якоря, морские цепи. К 60-летию Георгию Александровичу подарили сферическую линзу с его маленькой фотографией внутри. Благодаря оптическим свойствам линзы портрет казался большим и объемным. И подумалось мне, что на самом деле, в жизни и в работе, Георгий Александрович был большим и всесторонним человеком и не нужны никакие оптические устройства, чтобы разглядеть и понять это.

После моего назначения руководителем департамента в конце 1996 г. Георгий Александрович был переведен в советники при министерстве и проработал в этой должности до конца своих дней. Все это время я считал естественным и необходимым его участие в заседаниях НТС-2, специального экспертного совета ВАК, конференциях и совещаниях отраслевого масштаба, а также во встречах ветеранов и праздничных мероприятиях департамента и наших предприятий. Вся его многолетняя предыдущая работа в Главке, его опыт и знания помогали всем нам в новых условиях жизни страны. Поэтому, когда меня спрашивали, зачем Георгия Александровича

вича приглашать на то или иное мероприятие, у меня был один ответ: «И полезно, и справедливо!». И я рад, что такого же мнения придерживалось руководство министерства, директора наших предприятий и многие коллеги, которые знали и уважали Георгия Александровича. Он был одним из старейших работников атомной отрасли и внес выдающийся вклад в создание отечественных ядерных вооружений, начиная с самых первых его образцов. Георгий Александрович участник многих ядерных испытаний и мирных взрывов СССР, в том числе первого (1949 г.) и последнего (1990 г.) ядерного испытания. Он доктор технических наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и двух Государственных премий, награжден орденами и многими медалями СССР и Российской Федерации.

Георгий Александрович скончался 20 июня 2001 г. Он не дождал 5 месяцев до 80-летия. Еще 7 мая он был на работе, вечером позвонил мне домой, чтобы напомнить о том, что 10 мая он ожидает машину для поездки на работу, как всегда утром. Но 10 мая утром почувствовал головокружение, и родственники отвезли его в Центральную клиническую больницу. Через 40 дней его не стало.

Похороны состоялись 22 июня, в День памяти и скорби, в день 60-летия начала Великой Отечественной войны. Шел дождь и казалось, что сама природа горюет о тяжелой утрате, постигшей родных, близких и коллег покойного. Хоронили Георгия Александровича на Троекуровском кладбище. Народу было много: от министерства, от военных организаций, от многих предприятий Москвы и других городов. У могилы с прощальными словами выступали коллеги и друзья. Поминальный обед состоялся в министерстве. Со словами памяти и уважения к Георгию Александровичу выступили В. Г. Виноградов, первый заместитель министра, академик Ю. А. Трутнев от ВНИИЭФ, главный конструктор ВНИИТФ А. Н. Аверин, директор ВНИИА Ю. Н. Бармаков, руководитель Департамента промышленности ЯБП Е. К. Дудочкин,

Г. А. Цырков на праздновании 25-летия г. Снежинска, 1982 г.

советник Департамента ЯТЦ Е. И. Микерин, директор НПО «Элерон» Е. Т. Мишин, член-корреспондент РАН Б. В. Замышляев, главный конструктор ВНИИЭФ С. Н. Воронин, академик Л. П. Феокистов и другие. От семьи Цырковых со словами благодарности за сочувствие родным и добрую память о Георгии Александровиче выступила его сестра Маргарита Александровна.

Дни идут, пройдут и годы. Но пока мы живы, в нашей памяти, в наших сердцах будет жить экспериментатор, исследователь, организатор и руководитель научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области ядерного оружия и мирного использования ядерно-взрывных технологий, прекрасный человек Георгий Александрович Цырков.

ВОЛОШИН Николай Павлович –

д.т.н., профессор, руководитель Департамента разработки и испытаний ядерных боеприпасов Минатома (1996–2004)